

КОГДА СЕРДЦЕ УЧИТСЯ СНОВА: ИСТОРИИ ЖЕНСКОЙ СИЛЫ

комплект из 3 книг

Литературные хиты: Коллекция

Евдокия Нагродская

**Когда сердце учится
снова: истории женской
силы. Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

1910, 1915, 1967, 1996, 2011

Нагородская Е. А.

Когда сердце учится снова: истории женской силы. Комплект из 3 книг / Е. А. Нагородская — «Эксмо», 1910, 1915, 1967, 1996, 2011 — (Литературные хиты: Коллекция)

ISBN 978-5-04-252517-9

Комплект из 3 книг — платите меньше, читайте больше! В состав входят: «Сломленная», «Большая грудь, широкий зад», «Злые духи». Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности. «Сломленная». Три пули в лоб. Безапелляционно честные новеллы-монологи легенды литературы и философии Симоны де Бовуар, вскрывающие наносное и задающие зубодробительные вопросы всем нам. Три новеллы легенды французской литературы и философии Симоны де Бовуар — отрезвляющий коктейль Молотова для общества, закрепощенного предрассудками и равнодушием. Яростные и честные монологи героинь, поставленных к стенке обстоятельствами, возрастом и чувством долга, бьют словами в самое сердце. «Люди не терпят, когда им высказывают правду в глаза. Они хотят, чтобы мы верили их красивым словам или хотя бы притворялись. Я сама не ношу маску и срываю маски с других». «Большая грудь, широкий зад». Мо Янь является одним из самых известных современных писателей на китайском языке. Он был удостоен Нобелевской премии по литературе в 2012 году, что сделало его первым писателем материкового Китая, получившим эту награду. В настоящее время Мо Янь занимает пост заместителя председателя Союза китайских писателей. Роман «Большая грудь, широкий зад» — летопись жизни сексуально мощной, плодovитой и мудрой женщины начиная с конца Цин до эпохи после смерти Мао, что не может оставить равнодушным никого, кто откроет эту книгу. История одной семьи расскажет про все перипетии XX века в Китае, про силу духа простых женщин из народа, а также покажет изнанку коммунистического общества. «Злые духи». Творчество Евдокии Нагородской — настоящий калейдоскоп мотивов и идей, в нем присутствуют символистский нарратив, исследования сущности «новой

женщины», готическая традиция, античные мотивы и наследие Ницше. В этом издании представлены два ее романа и несколько избранных рассказов, удачно подсвечивающие затронутые в романах темы. «Злые духи» — роман о русской интеллигенции между Петербургом и Парижем, наполненный яркими персонажами, каждым из которых овладевает злой дух. В романе «Гнев Диониса» — писательница «расшифровала» популярные в начале XX в. философские учения Ф. Ницше и О. Вейнингера, в сложных любовных коллизиях создала образ «новой женщины», свободной от условностей ветшающей морали, но в то же время сохраняющей главные гуманистические ценности. Писательница хотела помочь человеку не бояться самого себя, своей потаенной сущности, своих самых «неправильных» интимных переживаний и устремлений, признавая их право на существование.

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

ISBN 978-5-04-252517-9

© Нагродская Е. А., 1910, 1915, 1967,
1996, 2011

© Эксмо, 1910, 1915, 1967, 1996, 2011

Содержание

Симона де Бовуар	6
Возраст благоразумия	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Симона де Бовуар, Мо Янь, Евдокия Нагородская Когда сердце учится снова: истории женской силы. Комплект из 3 книг

Симона де Бовуар Сломленная

Simone de Beauvoir
La femme rompue

© Éditions Gallimard, Paris, 1967

© Гришанова В., перевод на русский язык, 2025

© Оформление, издание на русском ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Симона де Бовуар написала серию мемуаров, в которых рассказывает о своей жизни и творчестве. Четыре тома были опубликованы в период с 1958 по 1972 год: «Воспоминания благовоспитанной девицы», «Сила возраста», «Сила обстоятельств», «Все учтено»¹, а также в 1964 году была опубликована книга «Очень легкая смерть». Обширное эпистолярное наследие максимально полно отображает противоречивую натуру писательницы, которая любила простые женские радости, но в то же время не мыслила своей жизни без писательского труда. Она умела наслаждаться жизнью, но порой тяготела к аскетизму, видя в нем спасение своей души. Создание мемуаров стало своеобразной попыткой разрешения внутренних противоречий.

Симона де Бовуар родилась в Париже 9 января 1908 года, среднее образование получила в католической школе «Кур Дезир». В 1929 году писательница окончила философский факультет Сорбонны и до 1943 года преподавала в разных городах Франции: Марселе, Руане и Париже. Сборник рассказов «Главенство духа»² был завершен задолго до начала Второй мировой войны, но опубликован только в 1979 году. Книгу «Гостя» (1943) следует считать настоящим литературным дебютом Симоны де Бовуар. За ней последовали романы «Чужая кровь»³ (1945), «Все люди смертны» (1946), «Мандарины», удостоившийся Гонкуровской премии в 1954 году, «Прелестные картинки» (1966) и «Сломленная» (1968).

Помимо знаменитой книги «Второй пол» (1949), ставшей настольной для феминисток всего мира, научные работы Симоны де Бовуар включают многочисленные философские и полемические эссе, такие как «Привилегии» (1955), позже переизданное под заглавием «Нужно ли сжечь маркиза де Сада?», и «Старость» (1970)⁴. Кроме того, писательница создала несколько произведений для театра – пьесы «Лишние рты» (1945), «Америка день за

¹ На русском языке часть *Tout compte fait* не публиковалась.

² На русском языке сборник *Quand prime le spirituel* не публиковался.

³ На русском языке роман *Le sang des autres* не издавался.

⁴ На русском языке эссе *La Vieillesse* не издавалось.

днем» (1948) и «Долгий путь» (1957)⁵. В основе последних двух лежат впечатления от собственных путешествий писательницы.

После смерти Сартра Симона де Бовуар опубликовала монографии «Церемония прощания» (1981) и «Письма к Кастору»⁶ (1983), в которых собраны многочисленные письма, полученные ею от Сартра. До самой своей смерти 14 апреля 1986 года писательница активно сотрудничала с журналом «Новые времена» (*Les Temps Modernes*), основанным ею и Сартром, и активно поддерживала феминистическое движение.

⁵ На русском языке пьесы не издавались.

⁶ На русском языке указанные монографии не издавались.

Возраст благоразумия

Мои часы остановились? Нет. Но стрелки как будто замерли. Я не смотрю на них. Стараюсь думать о чем-нибудь другом – о чем угодно, лишь бы скорее остался позади этот день, спокойный и привычный, несмотря на суету ожидания.

Я просыпаюсь с умилением. Андре с завязанными глазами свернулся калачиком на кровати и совершенно по-детски уткнулся рукой в стену, как будто искал опору, испугавшись чего-то во сне. Я присела на край кровати и положила руку ему на плечо. Он отодвинул повязку, растерянно улыбаясь.

– Уже восемь часов.

Я отнесла поднос с завтраком в библиотеку и взяла книгу, которую получила накануне и успела прочесть уже наполовину. Все эти разговоры о необщительности – полный вздор. Если человек действительно хочет общаться, ему ничто не мешает. Разумеется, не со всеми, а с двумя-тремя близкими. Порой я скрываю от Андре свое настроение, свои печали и мелкие неприятности. Конечно, и у него есть маленькие секреты, но в целом мы хорошо знаем друг друга. Я налила в чашки очень горячий, очень черный китайский чай. Мы пили его, просматривая почту; июльское солнце заливало комнату. Сколько раз мы сидели лицом друг к другу за этим маленьким столиком, перед чашками с очень горячим, очень черным чаем? И еще будем сидеть завтра, и через год, и через десять лет. Тот миг соединил в себе сладость воспоминания и радость будущего. Сколько же нам было лет, тридцать или шестьдесят? Андре рано поседел, но его белые, как снег, волосы только подчеркивали красоту свежего, еще совсем юного лица. Он и сейчас не постарел. Кожа огрубела и потрескалась, но сияющие глаза и улыбка остались прежними. Годы идут, но Андре не меняется. Мне кажется, он будет вечно молодым. Мы прожили долгую жизнь, в которой было все – смех и слезы, гнев и жаркие объятия, обида и долгое молчание, откровенные признания. Но порой кажется, что все это было совсем недавно. Будущее бесконечно. А прошлое порой воскресает в нашей памяти.

– Хорошо тебе поработать, – сказал он мне.

– Тебе тоже.

Бывают периоды, когда человек топчется на месте; и он смиряется с этим не так легко, как раньше. Я открыла окно. В Париже пахло асфальтом и грозой, и этот запах немного разбавил прохладой томительный летний зной. Я проводила Андре взглядом. Наверное, именно в эти моменты, когда он уходит, я сильнее всего ощущаю его присутствие: высокая фигура постепенно тает вдаль, но я знаю, что он вернется; и вот он исчезает из вида. Улица пустеет, но я знаю: он этой же дорогой вернется обратно. Здесь его дом, его стихия. Я абсолютно уверена в этом, и эта уверенность даже важнее его физического присутствия.

Я долго сидела на балконе. С высоты шестого этажа Париж был виден как на ладони. Я смотрела на голубей, парящих над шиферными крышами, и на дымовые трубы, которые напоминали цветочные горшки. Строительные краны красного и желтого цвета были похожи на молящихся людей, воздевших к небу свои железные руки. Пять, девять, десять – я насчитала десять штук. Вдруг мой взгляд наткнулся на высокую стену, сплошь покрытую крошечными отверстиями, – только что построенное здание. Видела я и башни в форме пирамид, и новенькие небоскребы. Когда же бульвар Эдгара Кине успел превратиться в автостоянку? Кажется, совсем недавно, но я уже не помню его другим. Конечно, можно открыть фотоальбом, чтобы сравнить старые снимки со случившимися переменами, и сильно удивиться, но мне не хочется этого делать. Мне нравится жить настоящим и смотреть, как меняется мир; я привыкаю к этим изменениям так быстро, что порой совсем не замечаю их.

На столе лежали папки и белая бумага, напоминающие о том, что пора браться за работу. Но хоровод мыслей в голове никак не давал сосредоточиться. Сегодня вечером должен прийти

Филипп. Мы почти месяц не виделись. Я зашла в его комнату, где до сих пор оставались его вещи – книги, бумаги, старый серый свитер и пара фиолетовых пижам. Я так и не решилась сделать в ней ремонт. Во-первых, не было ни времени, ни денег. Во-вторых, мне не хотелось верить в то, что мы с Филиппом стали чужими друг другу людьми. Я вернулась в библиотеку. Там благоухал большой букет роз – ярких и юных, словно первая весенняя зелень. Теперь эта квартира уже не казалась мне пустынной. Все было как прежде. Я с любовью смотрела на знакомые подушки ярких и нежных цветов, разбросанные на диванах. Польские фарфоровые куклы, словацкие фигурки разбойников и португальские петушки сидели на своих местах. В голове мысли: «Филипп вернется сюда. Если мне вдруг станет грустно, можно и поплакать. Но как же непросто совладать с этим радостным нетерпением».

Мне захотелось вдохнуть запах лета. Выйдя на улицу, я увидела, как рослый негр – алжирец с кожей, по цвету напоминающей стену, – в синем макинтоше и серой фетровой шляпе спокойно подметает тротуар. На бульваре Эдгара Кине я смешалась с толпой гуляющих. Я редко выхожу на улицу по утрам, поэтому рынок – необычное зрелище для меня (в это время здесь всегда бойко идет торговля, в любую погоду). Маленькая старушка неспешно прохаживалась от прилавка к прилавку. Откинув голову назад, чтобы кудри не лезли в глаза, она крепко сжимала ручки своей пустой хозяйственной сумки. Раньше я никогда не обращала внимания на стариков. Они казались мне живыми трупами. Теперь я вижу в них мужчин или женщин чуть старше меня. На эту старушку я обратила внимание, когда она попросила у мясника немного обрезков для кошек. «Какие там кошки! – воскликнул мясник, когда она ушла. – Нет у нее никаких кошек. Она сварит эту похлебку себе». Мяснику это показалось забавным. Вскоре старушка уже выбирала отбросы под прилавками, пока рослый негр не смахнул их в ручей. Таких людей, живущих на сто восемьдесят франков в месяц, более миллиона. А еще три миллиона человек живут вообще за чертой бедности.

Купив цветов и фруктов, я решила прогуляться по городу. Старость – закат жизни. Меня всегда пугало это слово. А еще пугало большое количество свободного времени. Но я зря боялась. Несмотря на полную свободу действий, я стараюсь не тратить время зря. К тому же это так здорово – жить без инструкций и ограничений. Но иногда я впадаю в ступор и тогда вспоминаю свою первую должность и первую работу. Помню хмурую осень в провинции и грустный шелест опавших листьев по дороге на службу. Тогда день выхода на заслуженный отдых, от которого меня отделял промежуток времени вдвое дольше, чем вся предыдущая жизнь, казался мне нереальным, как смерть. И вот я на пенсии. В моей жизни были и другие важные периоды, но их границы представляются мне смутными и размытыми. А день выхода на пенсию я не забуду никогда.

Я вернулась домой, села за свой стол, но не работала, даже это радостное утро показалось мне скучным. Около часа дня я решила накрыть на стол. До этого есть совсем не хотелось. Наша кухня была точь-в-точь похожа на бабушкину. Мне резко захотелось снова увидеть Мийи. Сразу вспомнилась бабушкина кухня с большим обеденным столом и лавками, медной посудой, балочным потолком. Только у нас вместо чугунной плиты стояла газовая, а еще – холодильник «Фриджидер». (Интересно, когда холодильники этой марки впервые появились во Франции? Я купила его десять лет назад, но тогда они уже были широко распространены. Когда же их впервые завезли сюда? До войны? Или сразу после нее? Это одна из тех вещей, которые я не могу вспомнить.)

Андре вернулся поздно. Выходя из лаборатории, он предупредил меня, что сегодня участвует в совещании по поводу забастовок. Я спросила:

– Как все прошло?

– Мы разработали новый манифест. Но я не питаю иллюзий по поводу него. Он не будет иметь большего влияния, чем предыдущие. Французам на все плевать. На угрозу войны, на ядерную бомбу, в целом – на все. Порой мне хочется все бросить и уехать куда-нибудь

подальше – на Кубу или в Мали, например. В самом деле, это моя мечта. Возможно, там я наконец принесу пользу обществу.

– Ты больше не сможешь работать.

– Но я не сильно расстроюсь от этого.

Я поставила на стол салат, ветчину, сыр и фрукты.

– Ты и правда не знаешь, что делать? Это какой-то замкнутый круг.

– Да, бесконечный бег по кругу.

– Хочешь сдаться?

– Ты просто не понимаешь.

Он часто говорит мне, что его коллеги фонтанируют новыми идеями, а он сам уже слишком стар, чтобы что-либо изобретать. Но я не верю ему.

– Понятно! Вот о чем ты думаешь, – сказала я. – Нет, ни за что не поверю.

– И напрасно. Последний раз мне приходили в голову интересные мысли пятнадцать лет назад.

Пятнадцать лет назад. Самый длительный творческий кризис. Но на данном этапе ему, вероятно, нужно сделать паузу, чтобы найти новый источник вдохновения. Мне вспоминаются стихи Валери:

В каждом атоме молчанья —
Обещанье стать плодом!⁷

И это медленное созревание порой приносит неожиданные плоды. Это еще не конец, это всего лишь захватывающее приключение, в котором я главная героиня: сомнения, неудачи, томительное ожидание, а потом – проблеск света, надежда и обретение истины; после недель и месяцев тревоги – успех и ликование. Я мало что понимала в работе Андре, но моя упрямая уверенность была большой поддержкой для него. Я по-прежнему в него верю. Почему же я больше не говорю ему об этом? Я боюсь самой мысли о том, что больше никогда не увижу в его глазах бурную радость от нового открытия. Я сказала ему:

– Возможно, у тебя скоро откроется второе дыхание.

– Но мне это уже не нужно. В моем возрасте человек мыслит стереотипами и не может придумать ничего нового. Возможно, ты сама сделаешь великое открытие, отпраздновав семидесятилетний юбилей.

– Обязательно! А ты, оказывается, оптимист.

– Зато ты пессимистка!

Мы рассмеялись. Но ничего смешного здесь нет. Андре напрасно настроен так пессимистично. Ему просто нужно взять себя в руки. Да, в трудах Фрейда действительно говорится о том, что в определенном возрасте человек теряет творческое мышление, и это очень обидно. Но когда Фрейд это писал, он был намного старше, чем Андре сейчас. И все-таки я расстроена его беспричинной хандрой. Возможно, дело в том, что сейчас Андре переживает кризис. Удивительно, но он до сих пор не смирился с тем, что разменял седьмой десяток. Мне по-прежнему все на свете интересно, а ему – нет. Раньше он был легок на подъем, а теперь мне очень сложно вытащить его в кино, на выставку или в гости к друзьям.

– Жаль, что ты перестал ходить на прогулки, – сказала я. – Сейчас такая хорошая погода! Вот я бы, например, очень хотела вернуться к Мийи и снова посетить лес Фонтенбло.

– Ты удивительная женщина, – улыбнулся он. – Объездила всю Европу и хочешь вернуться в пригород Парижа!

⁷ Стихотворение французского поэта Поля Валери в переводе С. Шервинского.

– Почему бы и нет? Коллегиальная церковь в Шампо очень красива, хоть это и не Акрополь.

– Хорошо. Через четыре-пять дней, как только лаборатория закроется, я обещаю тебе отличное путешествие на машине.

Времени у нас предостаточно, ведь мы остаемся в Париже до начала августа. «Но вдруг он передумает?» Я спросила:

– Завтра воскресенье. Ты свободен?

– Вечером будет пресс-конференция, посвященная апартеиду. Мне принесли массу документов, нужно будет их просмотреть.

Испанские политзаключенные, португальские узники, гонимые иранцы, повстанцы из Конго, Анголы и Камеруна, венесуэльские, перуанские, колумбийские партизаны – он был готов помогать кому угодно и чем угодно. Собrania, манифесты, митинги, листовки, делегации – все это было в его ведении.

– Ты слишком много на себя берешь.

– Почему? Разве это слишком много?

Что можно сделать, когда мир утратил былые краски? Можно только убивать время. Сама переживала нечто подобное десять лет назад. В то время я ненавидела собственное тело. Филипп уже вырос, и после успеха моей книги о Руссо я чувствовала себя опустошенной. Мне было страшно стареть. Тогда я начала изучать Монтескье, сумела вдохновить Филиппа на работу над диссертацией. В Сорбонне мне дали очень интересный курс, и хандра быстро развеялась. Я приняла собственное тело. Я как будто заново родилась. А сейчас, если бы Андре так остро не переживал свой возраст, я бы легко забыла о своем.

Он снова ушел, а я еще долго стояла на балконе и смотрела, как темно-сизый строительный кран взмывает ввысь, в голубое небо. Он был похож на черного жука, летящего по небу и оставляющего за собой широкую дорожку ледяной белоснежной пены. Вечная молодость мира тревожит меня. Вещи, которые я любила, исчезли.

Но мне было дано многое другое. Вчера вечером, когда я гуляла по бульвару Распай, небо было почти малиновым; мне казалось, что я вдруг очутилась на другой планете – там, где трава пурпурная, земля голубая, а деревья сияют, словно огни неоновой рекламы. Когда Андерсену было шестьдесят лет, он очень удивился тому, что проехал через всю Швецию, потратив менее суток, тогда как в молодости он преодолевал этот путь за неделю. Нечто подобное мне довелось испытать, когда я за три с половиной часа долетела на самолете из Парижа в Москву!

Такси доставило меня в парк Монсури, где мы договорились встретиться с Мартиной. На входе меня огулило запахом свежескошенной травы. Сразу вспомнился аромат альпийских лугов, по которым я гуляла в компании Андре с рюкзаком за плечами. А еще мне вспомнились луга моего детства. Фрагменты воспоминаний, перекликаясь друг с другом, эхом отзывались в моей душе. И неожиданно я обрадовалась тому, что далекое прошлое уже позади. У меня не так много времени на ностальгию, но я часто замечаю следы прошлого в настоящем, и тогда черно-белые снимки наполняются цветом – так же, как скалы и пески начинают блестеть, отражаясь в морских водах в солнечную погоду. Раньше меня успокаивали планы и обещания, а теперь я искренне радуюсь, пребывая в блаженной тени давно минувших дней.

– Доброе утро.

Мартина пила свежавыжатый лимонный сок на террасе закусочной. Густые черные волосы, голубые глаза, короткое платье в оранжево-желтую полоску с вкраплениями фиолетового – красивая молодая женщина. Ей сорок лет. Когда мне было тридцать лет, я случайно услышала, как отец Андре назвал сорокалетнюю женщину «молодой и красивой». В тот момент я не смогла сдержать улыбки. Но сейчас, увидев Мартину, мне захотелось назвать ее так же. Теперь почти все кажутся мне молодыми. Она улыбнулась мне:

– Вы принесли мне свою книгу?

– Конечно.

Мартина посмотрела на посвящение.

– Спасибо! – воскликнула она. И после добавила: – Мне очень хочется скорее ее прочитать. Конец учебного года всегда напряженный. Придется подождать до 14 июля.

– Скорее бы узнать ход ваших мыслей.

Я доверяю ее суждениям, и мы почти всегда сходимся во мнениях. Я бы чувствовала себя с ней на равных, но она по-прежнему относится ко мне с большим почтением, как ученик – к учителю. Хотя она сама профессор, замужем и с детьми.

– Сейчас сложно преподавать литературу. Я бы не справилась без ваших книг.

Она робко спросила:

– Вы довольны этой книгой?

Я улыбнулась в ответ:

– Если честно, вполне.

Она смотрела на меня вопросительно, но не решалась озвучить свой вопрос. И я решила ее опередить. Ее молчание было более красноречивым, чем множество каверзных вопросов:

– Знаете, я решила начать с анализа критических работ, опубликованных после войны. Я хотела бы предложить новый метод, который позволил бы проникнуть в творчество автора более точно, чем когда-либо. Надеюсь, что мне это удастся.

Я не просто надеялась, я была уверена в этом. И эта уверенность грела мое сердце. Был прекрасный день. Я с радостью смотрела на знакомые деревья, лужайки, аллеи – приятно было снова видеть места, где я так часто гуляла раньше с приятелями и подругами. Кто-то из них уже умер, а с кем-то наши пути разошлись. К счастью, в отличие от Андре, который совсем перестал с кем-либо общаться, я сблизилась со студентами и молодыми коллегами – с ними мне даже интереснее, чем с ровесницами. Они очень любознательны, и я стараюсь брать с них пример; я смотрю на них и вижу будущее, которое наступит, когда меня уже не будет на этом свете.

Мартина погладила книгу.

– Начну сегодня же вечером. Кто-нибудь уже читал?

– Только Андре. Но он не интересуется литературой.

Он вообще перестал чем-либо интересоваться. По отношению ко мне он настроен так же пессимистично, как и по отношению к себе. Андре не говорит об этом вслух, но он был твердо убежден, что ни одно из моих начинаний не увенчается успехом. Я не переживаю по этому поводу, потому что знаю: он не прав. Я только что написала свою лучшую книгу. Не за горами и второй том.

– А как же ваш сын?

– Я давала ему гранки⁸. Сегодня он будет у нас в гостях, обещал, что обсудим текст за ужином.

Мартина, как и я, прекрасный оратор и увлеченный слушатель. Только она слишком увлечена семьей и работой. Мы еще немного поговорили о литературе, Филиппе и его диссертации, после чего она отвезла меня домой на своем маленьком «Остине»⁹.

– Вы скоро вернетесь в Париж?

– Не думаю. Из Нанси я сразу поеду в Йонну на отдых.

– Но вы планируете немного поработать во время каникул?

– Хотелось бы. Но у меня вечно не хватает времени. Мне бы вашу энергию...

«Энергия здесь ни при чем, – подумала я, прощаясь с ней, – я просто не могу не писать».

⁸ Гранки – оттиски типографского набора на длинных полосах бумаги, как правило, без разбивки на страницы.

⁹ Автомобили под маркой Austin выпускались Austin Motor Company до 1952 г.

Зачем? И почему я настаивала на том, чтобы Филипп стал интеллектуалом, хотя Андре разрешил бы ему пойти другим путем? В детстве и юности книги спасали меня от отчаяния; я на собственном опыте убедилась в том, что культура – высшая ценность, и это убеждение осталось со мной навсегда.

Мари-Жанна хлопотала на кухне: готовила обед по заказанному меню, из любимых блюд Филиппа. Я проверила, все ли в порядке, почтала газеты, а потом минут сорок разгадывала сложный кроссворд. Порой я люблю поразмыслить над сеткой, где в белых клетках прячутся невидимые слова. Стоит мне пораскинуть мозгами, и они появляются, как будто я силой своего ума вырываю буквы из толщи бумаги.

Разгадав последнее слово, я выбрала из гардероба самое красивое платье – серо-розовое, с шарфом. Когда мне было пятьдесят, моя одежда казалась либо слишком унылой, либо слишком фривольной. Теперь я знаю, что следует носить в моем возрасте, и никогда не ошибаюсь. Но радости от этого не испытываю. Раньше я очень любила наряжаться, а теперь равнодушна к обновкам. Но собственная фигура мне нравилась. Однажды Филипп сказал мне: «А ты поправилась» (он, кажется, не заметил, что я вернулась к прежнему весу).

Я села на диету и купила весы. Никогда не думала, что когда-нибудь буду переживать из-за веса. Но сейчас самое время! Чем больше меняется мое тело, тем сильнее мое чувство ответственности за его состояние. Я должна заботиться о себе. Я воспринимаю уход за телом как скучную, но важную обязанность. Мое тело – как старый друг, который делил со мной печали и радости, а сейчас сильно изменился, но все так же нуждается в моей поддержке.

Андре принес бутылку шампанского «Мумм», которую я поставила охладиться, мы немного поболтали, а потом он позвонил матери. Он часто общается с ней. Она хорошая женщина и продолжает вести активный образ жизни, несмотря на свои восемьдесят четыре года. Она живет одна в своем доме в Вильнев-лез-Авиньон, и Андре немного волнуется за нее. Я слышала, как он смеялся в трубку, а потом разговаривал на повышенных тонах и возражал, но быстро умолк. Манетт любит поговорить.

– О чем вы говорили?

– Она все сильнее убеждается в том, что со дня на день пятьдесят миллионов китайцев перейдут границу России. Или сбросят куда-нибудь бомбу – чтобы был повод к мировой войне. Она обвиняет меня в том, что я на их стороне. Ее не переубедишь.

– Как она? Не скучает?

– Она всегда рада нас видеть, но понятие «скука» ей незнакомо.

Она школьная учительница с тремя детьми, наконец-то дождавшаяся пенсии. До сих пор радуется заслуженному отдыху. Мы говорили с ней обо всем, в том числе и о китайцах, о которых мы знаем не больше других. Андре открыл журнал. А я посмотрела на часы, и кажется, их стрелки остановились.

И вдруг вошел он. Я каждый раз удивляюсь тому, как он похож одновременно на меня и на Андре; наши черты прекрасно гармонируют в его лице. Он крепко обнял меня, радостно приветствуя, и я тесно прижалась щекой к мягкой фланелевой куртке. Я высвободилась, чтобы обнять Ирен; его подруга холодно улыбнулась мне, но ее щека, подставленная для поцелуя, оказалась на удивление мягкой и теплой. Ирен. Я вечно забываю о ней, хотя она не расстанется с ним. Блондинка с серо-голубыми глазами, изящным и нежным ртом, острым подбородком; непропорционально широкий лоб говорит об упрямстве и еще о чем-то – не знаю, о чем именно. Я тут же отмахнулась от нее. Оставшись наедине с Филиппом, я погладила его по лбу – обычно я будила его так каждое утро.

– Виски не предлагать? – спросил Андре.

– Нет, благодарю. Я буду фруктовый сок.

Она такая правильная! Всегда элегантно одета и гладко причесана, широкий лоб аккуратно прикрыт челкой, очень простой макияж и скромный деловой костюм. Когда я листаю

женские журналы, мне часто хочется сказать: «Вот, это Ирен». Но иногда я совсем не узнаю ее. Андре называет ее хорошенькой. Порой я разделяю его мнение: у нее маленькие изящные уши, нос классической формы и нежная перламутровая кожа, на которой выделяются иссиня-черные ресницы. Но стоит ей хоть немного поднять голову, как лицо теряется из виду, остаются только губы и подбородок. Вот такая она, Ирен. Но почему именно она? Почему Филипп предпочитает таких элегантных, отстраненных, высокомерных девушек?

Разумеется, чтобы доказать себе: он может их соблазнить. Он не привязывался к ним. Я сожалела об этом. Я уже думала, что он вечно будет в поиске, но однажды вечером услышала: «Сейчас я расскажу тебе кое-что важное». Филипп был немного возбужден и в тот момент походил на расшалившегося ребенка, который слишком много смеялся, играл и шумел на празднике. Мое сердце бешено забилося, щеки предательски покраснели. Губы задрожали, но я старалась ничем не выдать своего волнения. Зимний вечер, закрытые шторы, свет лампы на пестрых подушках и эта ошеломляющая новость, разделившая жизнь на «до» и «после». «Она тебе понравится. Она работает на дому – пишет сценарии». Мне хорошо знаком этот тип женщин. Они чем-то занимаются, считают себя интеллектуалками, занимаются спортом, хорошо одеваются. Они отличные хозяйки и прекрасные матери, ведут насыщенную светскую жизнь – в общем, преуспевают во всех сферах. Хотя на самом деле они ко всему равнодушны. У меня от них стынет кровь в жилах.

Они уехали в Сардинию в день закрытия факультета, в начале июня. За обеденным столом – там, где я так часто заставляла Филиппа есть («Давай доедай суп, съешь еще говядины! Поешь как следует перед учебой!»), мы обсуждали их путешествие – щедрый свадебный подарок родителей Ирен; они могли себе это позволить. Ирен все больше молчала – умная женщина, умеющая сделать эффектную паузу, а потом вдруг сказать что-нибудь тонкое и немного неожиданное. Порой она бросала какую-нибудь фразу, на мой взгляд, достойную удивления хотя бы из-за своей глупости или банальности.

Мы вернулись в библиотеку. Филипп посмотрел на мой стол.

– Хорошо поработала?

– Неплохо. Еще не прочитал мои гранки?

– Нет, честно говоря, не успел. Прости.

– Ну, прочитаешь книгу. У меня есть для тебя экземпляр.

Я немного расстроилась его пренебрежительным отношением к моей работе, но не показала виду. Я спросила:

– Наверное, ты сейчас всерьез возьмешься за диссертацию?

Он промолчал, бросив озорной взгляд на Ирен.

– В чем дело? Снова собрались в путешествие?

– Нет, мы никуда не едем.

Он еще немного помолчал, а потом, нахмурившись, произнес:

– Ты сейчас рассердишься и будешь меня ругать, но за последний месяц я все хорошо обдумал и взвесил. Мне сложно совмещать работу над диссертацией и должность ассистента. А без диссертации в университете перспектив нет. Поэтому я принял решение уйти.

– Как ты сказал?

– Я уйду из университета. Я еще достаточно молод, чтобы найти свое место в жизни.

– Но это исключено. Ты же уже почти у цели, ты не можешь все вот так бросить, – возмутилась я.

– Пойми меня правильно. Раньше преподаватели были на вес золота. Сейчас эта работа хлопотная и нервная, но малооплачиваемая. И это не только мое мнение.

– Ты прав, – согласился Андре. – Если у тебя тридцать студентов, тебе приходится тридцать раз повторять одно и то же. Пятьдесят учеников – это уже чересчур. Но мы как-нибудь выкрутимся, чтобы помочь тебе и диссертацию писать, и о себе не забывать.

– Нет, – отрезала Ирен. – Преподавание и научная работа и правда утратили свой престиж. Мой двоюродный брат – химик. В Национальном центре научных исследований он получал восемьсот франков в месяц. Сейчас он работает на красильной фабрике и получает три тысячи.

– Дело не только в деньгах, – ответил Филипп.

– Разумеется. Нужно еще и в ногу со временем идти.

В своих коротких, тщательно выверенных фразах она тактично выразила свое мнение о нас: «Поймите меня правильно, я не хотела обижать вас, поскольку отношусь к вам с большим уважением. Но о некоторых вещах молчать нельзя. Если бы не моя сдержанность, я бы сказала гораздо больше». Если бы не ее сдержанность, то мы, вероятно, услышали бы, что Андре, конечно, великий ученый, да и я – не последняя женщина в научном сообществе. Но мы живем, отрезанные от мира, в своих лабораториях и библиотеках. А молодое поколение интеллектуалов хочет быть на виду и участвовать в общественной жизни. Филипп слишком активный и амбициозный, поэтому наука не для него; ему гораздо больше подойдут другие сферы деятельности.

– В конце концов, тема диссертации устарела, – заключила она. Почему она позволяет себе говорить такие возмутительные вещи?

Ирен совсем не глупа. Она живет по-своему и мыслит по-своему. Она победила меня в битве за Филиппа, настроив его против науки. Порой мне хочется сдаться в этой неравной борьбе. «Я больше не могу писать эту диссертацию. У меня болит голова. Выпишите мне справку о болезни». Нет. Нежное юное лицо вдруг повзрослело, все мышцы напряглись, зеленые глаза пронзительно смотрели мне прямо в душу. Андре мог бы вступить за меня. Нет. Я вспомнила те роковые пасхальные каникулы, когда мы уехали в Голландию, оставив Филиппа в Париже. «Я не хочу, чтобы твой диплом был испорчен». Он с ненавистью кричал: «Не увольте меня. Мне все равно, я не напишу ни строчки». А потом он вдруг взялся за ум, и мы обрадовались. Наши отношения наладились, а теперь Ирен снова их рушит. Она уже второй раз так поступает. Мне не хотелось скандала, и я с трудом сдерживалась.

– Так чем же вы займетесь?

Ирен хотела ответить, но Филипп ее опередил:

– У отца Ирен есть пара интересных предложений.

– Каких именно? Бизнес?

– Еще не знаю точно.

– Значит, вы говорили с ним обо всем перед поездкой. А нам почему не сообщили?

– Я хотел все обдумать.

Я ужасно разозлилась и не могла поверить, что он решил уйти из университета, не посоветовавшись со мной.

– Теперь я во всем виноват, – раздраженно бросил Филипп.

В его зеленых глазах зажглись искры гнева. Я хорошо знала этот взгляд.

– Нет, – сказал Андре. – Ты волен поступать, как хочешь.

– Ты обиделась на меня?

– Деньги – не главное в жизни. Не ожидала от тебя такого.

– Я же говорил, что дело не только в деньгах.

– А в чем именно? Объясни.

– Не могу. Сначала мне нужно еще раз встретиться с тестем. Но я не приму его предложение, если оно будет невыгодным для меня.

Я еще немного пообщалась с ним, стараясь говорить как можно спокойнее. Попыталась убедить его в важности работы над диссертацией, напоминая о выполненных проектах и исследованиях. Он вел себя вежливо, но пропускал мои слова мимо ушей. Он стал для меня чужим, совсем чужим. Даже его внешность изменилась: модная стрижка, одежда с иголочки, изыскан-

ный стиль XVI округа¹⁰. Я родила и воспитала его. А теперь наблюдаю за ним со стороны, как в кино. Такая участь ждет любую мать, но разве от этого легче?

Андре проводил их до лифта, а я села на диван. И снова пустота. Тот день был хорошим и радостным лишь потому, что Филипп снова вернулся, хоть и на несколько часов. Я ждала его, как будто он возвращался навсегда – но этому не бывать. Я не могла поверить, что наши пути разошлись. Я больше не буду помогать ему с работой, у нас не будет общих интересов. Неужели деньги так важны для него?

Может быть, он просто не может спорить с Ирен? Неужели он так сильно любит ее? Они идеальная пара. Она наверняка очень хороша в постели, хоть и выглядит такой невинной. Представляю, на что она способна. Но секс, на мой взгляд, – не главное в отношениях. Сексуальности больше не существует для меня. Раньше я воспринимала это как свободу и легкость. И вдруг я поняла, что была не права. Это немощь, полная потеря чувственности. Из-за этого мне не понять печали и радости тех, кто умеет любить по-настоящему. Кажется, я уже ничего не знаю о Филиппе. Ясно только одно: я буду очень скучать по нему! Возможно, именно благодаря сыну я смогла принять собственный возраст. Он помог мне пережить вторую молодость. Он брал меня с собой на автогонки в Ле-Ман, на выставки оптического искусства и даже однажды вечером сводил меня на хеппенинг. Он был большим выдумщиком, и с ним никогда не приходилось скучать. Привыкну ли я к этой тишине, к спокойной и размеренной жизни, в которой больше не будет места сюрпризам?

Я спросила Андре:

– Почему ты не помог мне вразумить Филиппа? Вместо этого ты сразу согласился с ним. Хотя вдвоем мы бы точно его убедили.

– У человека должен быть собственный выбор. К тому же он никогда не мечтал о карьере преподавателя.

– Но ему было интересно работать над диссертацией...

– До определенного момента и совсем недолго. Я понимаю его.

– Ты всех понимаешь.

Раньше Андре был очень требователен по отношению к себе и другим. Сейчас он не изменил своих политических пристрастий, но в личной жизни много требует лишь от себя; он может бесконечно оправдываться, объяснять, принимая людей со всеми их недостатками. Порой это доходит до абсурда. Я продолжила:

– Как ты думаешь, заработать много денег – достойная цель в жизни?

– Сначала надо вспомнить, какие цели ставили мы. И были ли они достойными.

Интересно, он сказал то, что думает, или нарочно решил меня подразнить? Порой он так делает, считая, что я слишком упряма и принципиальна. Обычно я воспринимаю это спокойно и даже подыгрываю ему. Но в тот момент мне было не до шуток. Я повысила голос:

– Почему же мы так жили, если тебе известна другая жизнь?

– Потому что не могли иначе. И были убеждены в правильности своего выбора.

– Нет. Для меня познание, открытие нового было манией, страстью, даже неврозом, не имеющим никакой рациональной основы. Но мне никогда не приходило в голову считать себя примером для подражания.

В глубине души я думаю, что мы оба – пример для подражания, но обсуждать это не хотелось. Я просто сказала:

– Все люди разные, но сейчас мы говорим о Филиппе. Он хочет стать бизнесменом. Я не для этого воспитывала его.

Андре задумался:

¹⁰ Один из фешенебельных округов Парижа.

– Он просто стесняется таких успешных родителей. Он думает, что все равно не сможет достичь наших высот. Вот он и решил попробовать себя в другой сфере.

– Филипп очень хорошо начинал.

– Ты помогала ему, он работал в твоей тени. Если честно, без тебя бы он не справился. И он достаточно умен, чтобы понимать это.

Наши взгляды на воспитание Филиппа всегда расходились. Возможно, Андре был разочарован тем, что сын предпочел литературу естественным наукам, а может быть, это было классическое соперничество отца и сына. Андре всегда недооценивал Филиппа, и из-за этого Филипп порой опускал руки.

– Знаю, – согласилась я. – Ты никогда ему не доверял. И если он сомневается в себе, то это только с твоей подачи.

– Возможно, – примирительно произнес Андре.

– В любом случае это Ирен во всем виновата. Она давит на него. Она хочет, чтобы муж зарабатывал деньги. И она очень рада, что Филипп съехал от меня.

– Ого! Не строй из себя злобную свекровь. Ирен достойна лучшего.

– При чем тут свекровь? Она много чего наговорила.

– Бывает. Но порой она очень умна. Она немного перенервничала, но глупой ее никак не назовешь. С другой стороны, если бы она думала только о деньгах, она бы нашла себе мужа побогаче.

– Она понимала, что Филипп тоже может разбогатеть.

– В любом случае она предпочла его какому-нибудь маленькому снобу.

– Я вижу, что она тебе нравится. Рада за вас.

– Я хочу, чтобы мой сын был счастлив. А он ее любит.

– Это правда, – согласилась я. – Но Ирен непредсказуема.

– Нужно узнать больше о ее семье.

– К сожалению, там все плохо.

Эти жирные, жадные до денег, надутые и чопорные буржуа кажутся мне еще более отвратительными, чем та легкомысленная светская обстановка, против которой я бунтовала в юности.

Мы немного помолчали. Неоновая вывеска за окном сменила цвет с красного на зеленый. Огромная стена вспыхнула огнями. Чудесная ночь. Самое время спуститься на террасу и пропустить бокальчик-другой в обществе Филиппа. Бесполезно было предлагать Андре прогуляться, он явно хотел спать. Я спросила:

– Интересно, почему Филипп женится на ней?

– Знаешь, ему виднее.

Его тон был равнодушным. Его лицо осунулось, и он прижал палец к щеке на уровне челюсти – по старой привычке.

– Что, зуб заболел?

– Нет.

– А почему ты держишься за щеку?

– Проверяю, не болит ли.

В прошлом году он мерил себе пульс каждые десять минут. Правда, у него немного скакало давление, но после лечения оно стабилизировалось – отлично для нашего возраста. Андре смотрел на меня пустым взглядом, прижимая палец к щеке: строил из себя старика, пытаясь и меня в этом уверить. В голове промелькнула страшная мысль: «Филипп уехал, и мне предстоит доживать свой век в обществе старика». Мне захотелось крикнуть: «Хватит, не надо!» Андре, словно услышав меня, улыбнулся и снова стал прежним. Мы легли спать.

Он еще спит. Вот разбужу его, и будем пить очень крепкий черный китайский чай. Но это утро совсем не похоже на вчерашнее. Я снова переживаю уход Филиппа. Неизбежный уход.

Он порвал со мной, сообщив о своей женитьбе; меня могла заменить няня сразу после его рождения. Так что же я о себе возмнила? Он всегда был капризным, и я считала себя незаменимой. Он легко поддавался влиянию, и я хотела вылепить из него свой образ и подобие. В этом году, когда я видела его в обществе Ирен или ее родственников, так непохожих на меня, мне казалось, что он играет в какую-то странную игру: его настоящий облик – мой облик. А он решил уйти от меня, разорвать наш союз. Решил отказаться от жизни, которую я так старалась выстроить для него. Теперь мы чужие.

Довольно! Я, неисправимая оптимистка (по мнению Андре), возможно, зря обвиняю себя во всех смертных грехах. Конечно, я не считаю университет единственным островом спасения. И не считаю, что написать диссертацию – главная цель жизни. Филипп хочет заниматься тем, что ему действительно интересно. Но я что-то не очень доверяю отцу Ирен. И Филиппу тоже. Он часто лгал мне или что-то утаивал. Я знаю все его недостатки и тяжело, даже болезненно переживаю их – как свои собственные. Но в этот раз я возмущена тем, что он не сообщил мне о своих планах. Я возмущена и встревожена. Раньше, когда Филипп огорчал меня, ему всегда удавалось меня утешить. Но сейчас это у него вряд ли получится.

Почему Андре опоздал? Я работала четыре часа подряд и наконец растянулась на диване с тяжелой головой. За три дня от Филиппа не было никаких вестей; на него это не похоже. Его молчание очень удивило меня. Обычно, когда Филипп боится меня огорчить, он часто звонит и непрерывно болтает о всяких пустяках. Я не понимала, в чем дело. На душе словно кошки скребли, а печаль все глубже заполняла пустоту в сердце. И это настроение передавалось другим. Андре. Он все больше мрачнел. Он перестал общаться со всеми своими друзьями, кроме Ватрэна, но был очень раздражен, когда я пригласила его на обед. А как же я? Когда-то давно он сказал мне: «Пока ты со мной, я всегда буду счастлив». Но счастливым он не выглядел. Его любовь ко мне постепенно ушла. Испытывал ли он вообще это чувство? Он привычно заботился обо мне, но больше не радовался моему обществу. Возможно, это не его вина, но я злилась на него за это. А он смирился с утратой чувств и ушел в себя.

Ключ повернулся в замке, он поцеловал меня, вид у него был озабоченный.

– Я опоздал.

– Да, немного.

– Филипп заехал за мной в университет. Мы пропустили по стаканчику.

– Почему ты не привел его к нам?

– Он хотел поговорить со мной наедине, чтобы я потом рассказал тебе обо всем.

– О чем же?

(Он уезжает за границу, далеко, на долгие годы?)

– Тебе это не понравится. В тот вечер он не решил посвятить нас в свои планы, но теперь все-таки сказал. Тесть нашел ему работу. Устроил его в министерство культуры. Отличная должность для его возраста, – поделился Андре. – Но ты понимаешь, о чем я.

– Не может быть. Филипп!

Не может быть. Он разделял наши идеи. Он ходил по лезвию бритвы во время Алжирской войны – войны, опустошительной для нас, хотя теперь о ней мало кто вспомнит; его избивали на демонстрациях антиголлистов¹¹; он голосовал с нами на последних выборах.

– Он говорит, что изменил свои взгляды. Он понял, что негативизм французских левых не принес результатов, что они обречены. Он хочет идти в ногу со временем. Хочет изменить мир. Действовать и строить светлое будущее.

– Ты говоришь словами Ирен.

– Но это слова Филиппа, – резко бросил Андре.

¹¹ Сторонники движения, выступавшего против французской политической идеологии, которая была основана на идеях и действиях генерала Шарля де Голля.

И вдруг я все поняла. И задохнулась от гнева.

– В чем дело? Он идет у нее на поводу? И бросил науку из-за нее? Надеюсь, ты дал ему понять, что он поступает крайне безрассудно?

– Я сказал, что не одобряю его решения.

– Но ты хотя бы пытался его переубедить?

– Разумеется. Я поспорил с ним.

– Он спорил! Тебе нужно было ему пригрозить, что мы прекратим с ним общаться! Но кого я обманываю? Ты слишком мягкотелый.

Вдруг на меня обрушились все мои страхи и тревоги, которые раньше были спрятаны где-то в подсознании. Почему он всегда любил только роскошных, одетых с иголки снобок? Почему он выбрал Ирен и зачем им та пафосная свадьба в церкви? Он чувствовал себя в их кругу как рыба в воде. Я не хотела думать об этом, а когда Андре высказывал свое мнение, бросалась на защиту Филиппа. Теперь моя упрямая уверенность вылилась в горькую обиду. Я изменила свое отношение к Филиппу. Он просто выскочка. Вдобавок – интриган.

– Сейчас я с ним поговорю.

Я подошла к телефону. Андре остановил меня:

– Сначала успокойся. Скандал здесь не поможет.

– Но мне нужно сделать это сейчас.

– Прошу тебя, подожди.

– Отстань от меня.

Я набрала номер Филиппа.

– Отец только что сказал мне, что ты устроился на работу в министерство культуры. Поздравляю, Филипп.

– Мама, прошу тебя, – сказал он, – не надо так нервничать.

– А что мне, по-твоему, остается? Не радоваться же, что родной сын избегает меня, потому что стыдится рассказать всю правду о своей жизни.

– Я ничего не стыжусь. И имею право пересмотреть свои убеждения.

– Пересмотреть! Полгода назад ты был категорически против государственной культурной политики.

– Совершенно верно! И я попробую ее изменить.

– Ничего не выйдет! У тебя нет моего упорства. Ты будешь плясать под их дудку и сделаешь блестящую карьеру. Ты думаешь только о собственных амбициях.

Я еще что-то говорила, он кричал в трубку: «Хватит, перестань!», но я не умолкала. Он резко оборвал меня. В его голосе слышалась ненависть. Наконец он воскликнул в порыве гнева:

– Мы не так глупы, чтобы слушать упрямых стариков.

– Довольно! Чтобы ноги твоей не было в моем доме, пока я жива!

Я повесила трубку и села на диван. Пот лился градом, меня била мелкая дрожь, ноги подкашивались. Мы часто ссорились, но на этот раз ссора зашла слишком далеко – мы больше не увидимся. В гневе он был отвратителен, а его слова ранили меня до глубины сердца.

– Он оскорбил нас. Назвал упрямыми стариками. Сюда он больше не вернется. Ты тоже не должен видаться с ним.

– Ты перегнула палку. Тебе не стоило затевать этот разговор.

– Это еще почему? Он наплевал на наши чувства и предпочел карьеру родителям. Значит, нам не по пути.

– Он не хотел рвать отношения с нами. Я и сам этого не позволю. Ты не права.

– Если дела обстоят таким образом, то Филипп мне больше не сын.

Я помолчала, все еще дрожа от гнева.

– Филипп уже давно сам не свой, – сказал Андре. – Но ты не хотела этого признавать, а я все замечал. Но я никак не ожидал, что все пойдет так далеко.

– Он ничтожный выскочка-карьерист.

– Да, – неуверенно согласился Андре. – Но почему?

– Что ты имеешь в виду?

– Помнишь, в тот вечер мы говорили, что отчасти сами виноваты. Филипп не знал, чем ему заниматься. Научная карьера, которую ты ему навязывала, не сильно интересовала его. И разумеется, свою роль сыграла моя поддержка.

– Во всем виновата Ирен, – торжественно произнесла я. – Если бы он не женился на ней и не попал в то общество, все было бы по-другому.

– Но он все-таки женился. Отчасти потому, что был вынужден так поступить. Его ценности уже давно не совпадают с нашими. И этому много причин.

– Не надо его оправдывать.

– Я пытаюсь объяснить его поведение.

– Не нужно никаких объяснений. Видеть его больше не хочу. И тебе запрещаю общаться с ним.

– Не будь такой категоричной. Конечно же, он виноват. Очень сильно виноват. Но я буду общаться с ним. И ты тоже.

– Нет. И если ты встретишься с ним после всего, что он наговорил мне по телефону, я никогда не прощу тебя. Даже не говори со мной о нем.

Но мы не могли говорить ни о чем другом. Мы быстро поужинали, сказав друг другу лишь пару слов, а потом принялись за чтение. Я злилась на Ирен, на Андре, на весь мир. Поведению Филиппа нет оправдания. Он кричал, что мы – упрямые старики. Я была так уверена, что он любит нас обоих и лично меня, но оказалось, что этот парень ни во что меня не ставит. Я была для него никем – пустым местом, выброшенным на свалку хламом. Значит, и я буду относиться к нему так же. Всю ночь я задыхалась от обиды. Утром, как только Андре ушел, я вошла в комнату Филиппа, порвала все старые газеты и бумаги; в один чемодан я сложила его книги, в другой – пижамы, свитеры и все, что осталось в шкафах. При виде пустой комнаты слезы наворачивались на глаза. Я вспоминала дни и часы, которые мы провели вместе, – трогательные, грустные, прекрасные. И в то же время мне хотелось его убить. Он бросил, предал, оскорбил меня. Он смешал меня с грязью. Ему нет прощения.

Два дня мы не вспоминали о Филиппе. На третий, когда мы просматривали утреннюю почту, я сказала Андре:

– Письмо от Филиппа.

– Наверное, просит прощения.

– Пустая трата времени. Я не буду его читать.

– Прощу тебя, посмотри. Ты же знаешь, как трудно ему сделать первый шаг. Дай ему шанс.

– Никакого шанса не будет.

Я положила письмо в чистый конверт, написав на нем адрес Филиппа.

– Опусть, пожалуйста, в почтовый ящик.

Раньше на меня всегда действовали его красноречие и милая улыбка. На этот раз я устояла.

Через два дня рано утром позвонила Ирен.

– Я займу у вас не больше пяти минут. Нам нужно поговорить.

В коротком платье без рукавов простого кроя, с распущенными волосами она выглядела совсем юной и скромной. Я еще никогда не видела ее такой. Я впустила ее.

Конечно, сейчас она будет оправдывать Филиппа. Филипп очень расстроился, когда письмо вернулось к нему нераспечатанным. Он извинялся за то, что наговорил по телефону и нагрубил мне в сердцах. Я знала его характер: он был вспыльчивым и часто грубил, а потом быстро успокаивался. Теперь ему очень хотелось помириться со мной.

– Почему он не пришел сам?

– Боялся, что вы не пустите его на порог.

– Да, не пушу. Я больше не хочу его видеть. Хватит, довольно. Пусть идет на все четыре стороны.

Ирен не сдавалась. Филиппу очень не хотелось ссориться с мной. Он не ожидал, что я так разозлюсь на него.

– Он совсем с ума спятил. И скатертью дорога!

– Вы не понимаете. Папа сделал для него все, что мог. В его возрасте людей редко назначают на такие должности. И он не должен жертвовать своим будущим ради вас.

– У него было свое видение будущего. И свои идеи.

– Мне очень жаль, но сейчас он думает по-другому. Он изменился.

– Разумеется, изменился, нам это известно. Но он все равно останется при своем мнении. А пока он хочет изменить мир к лучшему и готов на все ради этого. Но он предал свои идеалы и сам это осознает. Это хуже всего, – раздраженно ответила я.

Ирен пристально взглянула на меня:

– Должно быть, вы всегда были образцом для подражания, и это дает вам право судить обо всех, причем судить свысока.

Я внутренне напряглась:

– Я старалась быть честной. И хотела, чтобы Филипп тоже был честным. Мне жаль, что вы отвергли его идеалы.

Она засмеялась:

– Можно подумать, он стал грабителем или фальшивомонетчиком.

– Учитывая его убеждения, он сделал не лучший выбор.

Ирен встала.

– И все же это смешно, такая принципиальность, – медленно произнесла она. – Отец Филиппа сильнее вас увлечен политикой, но он не порвал с сыном. В отличие от вас...

Я перебила ее:

– Вот как. То есть они снова виделись?

– Не знаю, – резко ответила она. – Но когда Филипп сообщил отцу о своем решении, о разрыве не было и речи.

– Это было до телефонного разговора. А после?

– Понятия не имею.

– Вы что, не знаете, с кем общается Филипп?

Она упрямо ответила:

– Нет.

– Ну и ладно. Мне все равно, – ответила я.

Я проводила ее до двери, прокручивая в голове наши последние слова. Может быть, она намеренно решила меня задеть – из чувства мести или от бестактности? В любом случае я понимала: она мне лжет. Точно лжет. Меня захлестывало чувство бессильной злобы. Я задыхалась от боли и обиды.

Как только пришел Андре, я спросила его:

– Почему ты не сказал мне, что снова встречался с Филиппом?

– Откуда ты знаешь?

– От Ирен. Она пришла спросить, почему я, в отличие от тебя, не общаюсь с ним.

– Я предупреждал тебя, что буду встречаться с ним.

– А я предупреждала, что никогда не прощу тебе этого. Это ты уговорил его написать мне письмо.

– Да нет же.

– Так я и поверила. Вы обвели меня вокруг пальца. Ты знаешь, что он не хотел мириться со мной, но ты пытался нас помирить у меня за спиной.

– Он сам сделал первый шаг.

– С твоей подачи. Ты плел интриги у меня за спиной. Ты разговаривал со мной как с ребенком, как с последней дурочкой. Ты не имел права так поступать.

Вдруг все вокруг заволокло кроваво-красным туманом. Перед глазами встала алая огненная пелена, в горле, словно охваченном пожаром, замер сдавленный крик. Когда я злюсь на Филиппа, такого не бывает. Но когда я злюсь на Андре – а это случается очень редко, – мой гнев похож на торнадо, уносящий меня за тысячи миль от него, в черную дыру одиночества, одновременно обжигающего и ледяного.

– Ты еще никогда не лгал мне! Это впервые.

– Допустим, я был не прав.

– Ты был не прав, когда снова встретился с Филиппом, когда плел интригу против меня с ним и Ирен. Ты был не прав, когда обманул меня, обвел меня вокруг пальца. Да ты кругом виноват.

– Послушай... Успокойся и дай мне договорить.

– Замолчи. Я больше не хочу с тобой разговаривать. И видеть тебя не хочу. Мне нужно побыть одной. Пойду прогуляюсь.

– Проветрись, это явно пойдет тебе на пользу, – отрывисто произнес он.

Я вышла на улицу – перевести дух. Я часто так делаю, чтобы справиться со страхом или гневом, переключиться на что-то новое. Но мне уже не двадцать и даже не пятьдесят, я очень быстро устала. Я зашла в кафе и выпила бокал вина. Глазам было больно от ярких неоновых вывесок. Филипп стал чужим для меня. Он женился, изменил своим убеждениям. Со мной остался только Андре, да и ему теперь нельзя доверять. Раньше я думала, что у нас нет друг от друга секретов, что мы – одна плоть и кровь, как сиамские близнецы. Но все изменилось. Он обманул меня, и вот я сижу в полном одиночестве с бокалом вина в руке. Каждый раз, когда я вспоминала его лицо и голос, меня одолевала опустошающая обида. Похожее ощущение бывает у смертельно больных людей, когда каждый вдох разрывает легкие на части, но дышать приходится.

Я снова встала и прошла еще немного. «Что делать?» – ошеломленно думала я. Допустим, мы помиримся. И по-прежнему будем вместе, только вдвоем. Тогда мне придется простить его и проглотить свою горькую обиду – обиду, которая не забывается. Мне становилось не по себе от одной мысли о том, что когда-нибудь мне придется простить его.

Вернувшись домой, я увидела на столе записку: «Ушел в кино». Я толкнула дверь в нашу спальню. На кровати лежала пижама Андре, на полу – мокасины, его домашняя обувь, трубка и пачка табака, а на прикроватной тумбочке – лекарства от гипертонии. Я на мгновение снова остро ощутила его отсутствие, как будто он умер после тяжелой болезни или отправился в ссылку; разбросанные повсюду вещи напоминали о нем. На глаза навернулись слезы. Я выпила снотворное и уснула.

Утром, когда я проснулась, он лежал, свернувшись калачиком, у самой стены. Я отвернулась. Видеть его не хотелось. На душе холодно и тоскливо, как в темной заброшенной часовне. Его тапочки и трубка больше не пробуждали во мне воспоминаний о человеке, который был мне так дорог. Они лишь напоминали мне о том, что мы с Андре стали чужими, хоть и живем под одной крышей. Мы дошли до абсурда: гнев, порожденный любовью, уничтожил ее.

Я не заговаривала с ним; пока он пил чай в библиотеке, я была в своей комнате. Перед уходом он спросил:

– Может, поговорим?

– Нет, не хочу.

Нам было не о чем разговаривать. Моя душа разрывалась от гнева и боли, а сердце бешено билось от горькой обиды. Слова бы только ухудшили мое состояние.

Но все равно весь день я думала об Андре. Порой у меня в голове мелькали какие-то странные мысли. Как при сотрясении мозга, когда темнеет в глазах и мир начинает раздваиваться. Ты видишь два образа и не можешь понять, какой из них – настоящий, а какой – лишь отражение реальности. Так и у Андре было два разных лица – прошлое и настоящее. Мне казалось, что все происходящее между нами – не более, чем дурной сон. Сон или мираж. Он так не поступал, и я так не реагировала, да и сама эта история произошла с кем-то другим. А может, сном было наше прошлое и я зря так доверяла Андре. Наконец в голове прояснилось, и я поняла, что все это – обман, иллюзия. А правда – в том, что он изменился. Стал старше. Он стал по-другому смотреть на вещи. Раньше его бы возмутило поведение Филиппа, но теперь он спокойно отнесся к его предательству. Прежний Андре не стал бы лгать мне и интриговать у меня за спиной. Он перестал быть идеалистом и стал проще относиться к моральным принципам. Что же будет дальше? Он вообще перестанет считаться со мной. Но я не хочу этого. Я не хочу становиться «мудрой» и «снисходительной», не хочу жить по инерции, закрыв свои чувства на ключ, – не хочу чувствовать дыхание приближающейся смерти. Еще рано, очень рано.

В тот день вышла первая рецензия на мою книгу. Лантье обвинил меня в пересказе чужих идей. Этот старый дурак меня ненавидит; не стоит обращать на него внимание. Но я была не в духе, поэтому ужасно разозлилась. Вот бы обсудить это с Андре! Но тогда с ним придется мириться. Нет, не сейчас.

– Я закрыл лабораторию, – с улыбкой сказал он мне в тот вечер. – Мы можем в любой день уехать в Вильнёв и Италию.

– Мы же уже решили, что проведем этот месяц в Париже, – сухо ответила я.

– Ты ведь могла и передумать.

– Но не передумала.

Андре наклонился ко мне:

– Теперь ты всегда будешь так холодна со мной?

– Боюсь, что да.

– Ты не права. Не надо делать из мухи слона.

– Каждый судит по себе.

– Это же абсурд. Ты всегда совершаешь одну и ту же ошибку. Сначала надеешься на лучшее, обманывая саму себя, а потом, столкнувшись с суровой действительностью, опускаешь руки или начинаешь рвать и метать. Ты злишься на нас с Филиппом, потому что в свое время ты переоценила его возможности.

– А ты всегда его недооценивал.

– Неправда. Просто я не питал особых иллюзий по поводу его способностей или характера. Я знал, что он из себя представляет как личность. В общем, я по-прежнему за него волнуюсь.

– Ребенок – не лабораторный эксперимент. Он вырастает таким, каким его воспитали родители. Ты всегда считал его неудачником и теперь пожинаешь плоды своего воспитания.

– А ты всегда считаешь себя победительницей в любом споре. Иногда ты и правда выигрываешь. Но и проигрывать надо уметь. Этого-то тебе и не хватает. Ты ищешь оправдание своим поступкам, устраиваешь скандалы, обвиняешь всех вокруг – ты готова на все, лишь бы не признавать своих ошибок.

– Верить в человека – не ошибка!

– Пойми, наконец, что ты не права!

Наверное, так и есть. В юности я тоже часто ошибалась и во что бы то ни стало пыталась доказать свою правоту, потому что не люблю чувствовать себя побежденной. Но я была не в том настроении, чтобы признаться в этом. Я взяла бутылку виски.

– Удивительно! Мы поменялись ролями!

Наполнив стакан, я залпом выпила. Я видела лицо Андре и слышала его голос: прежний и в то же время другой, любимый и ненавистный. Почувствовав весь абсурд ситуации, я задрожала мелкой дрожью; я словно превратилась в комок нервов.

– Я предлагал тебе спокойно поговорить, но ты не захотела. Вместо этого ты устроила сцену. А теперь еще и напиться хочешь? Не смей меня, – сказал он, когда я потянулась за вторым бокалом.

– И напьюсь, если захочу. Это не твое дело. Отстань от меня.

Я отнесла бутылку к себе в комнату и легла в постель со шпионским романом, но читать не стала. Филипп. Я начала понемногу забывать о нем, разозлившись на предательство Андре. Вдруг, совсем опьянев, я вспомнила его улыбку – такую нежную. Но так и не простила его. Хотя если бы он не был таким слабохарактерным, он бы меньше нуждался во мне. Он не был бы так нежен ко мне, если бы не его вина передо мной. Мне вспомнились все наши примирения, его слезы, наши поцелуи. Но раньше это были просто эмоции. Сейчас все по-другому. Я глотнула еще виски. Стены закружились, и я отключилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.